

**Г. С. Черткова**

**ОБ АНТИНОМИИ СВОБОДЫ и РАВЕНСТВА**  
**и ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА**

**Актуальные проблемы изучения истории**

**Великой французской революции**

(Материалы «круглого стола» 19-20 сентября 1988 г.)

М., 1989. С.85-91

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Первоначальным моим намерением было рассмотреть указанную проблему в привычном для меня эмпирическом ключе, на конкретном материале. Однако для данного круглого стола это было бы, пожалуй, не вполне уместно. Ведь мы собрались для того, чтобы обсудить не просто интересные или недостаточно исследованные аспекты Великой французской революции, а актуальные проблемы ее современного изучения. А значит, в наших дискуссиях имеет смысл прежде всего выделить либо перспективные направления исследования, либо же обсуждение тех принципов подхода к теме, которые представляются наиболее плодотворными именно сегодня. Я остановлюсь главным образом на втором. Таким образом, проблема соотношения свободы и равенства, их несомненной связи и столь же несомненного противоречия между ними, весьма важная и интересная сама по себе, особенно для изучения революционных эпох и революционной идеологии, послужит в какой-то мере лишь поводом для того, чтобы поразмышлять о некоторых современных принципах подхода к изучению Великой французской революции.

Трудно сказать, когда человечество впервые столкнулось с антиномичностью, заложенной в понятиях свободы и равенства - скорее всего эта проблема уходит корнями в глубокую древность. Но выход ее, в той или иной форме, на авансцену европейской истории связан, несомненно, с осознанием обеих этих категорий как ценностей, то есть уже с историей нового времени и особенно тем периодом, когда утверждение этих ценностей было провозглашено целью общества, такой целью, за которую необходимо бороться - иными словами, прежде всего с Великой французской революцией.

Я столкнулась с этой проблемой, занимаясь деятельностью [Бабефа](#). Мое внимание привлек тот крутой поворот, который произошел в системе его политических взглядов в III году Республики. В самом деле, почти сразу после 9 термидора Бабеф выступает как чрезвычайно активный и непримиримый противник только что низвергнутого якобинского режима, особенно резко нападая на систему террора, и в ходе этой антитеррористской, антиякобинской, антиробеспьеристской кампании он выдвигает и разрабатывает целый ряд положений, направленных в защиту неограниченных свобод и против малейших попыток сделать хоть шаг в сторону диктатуры. А всего через год-полтора Бабеф становится главой и идеологом «Заговора во имя равенства» - то есть такой идейно-политической группировки, которая для создания и утверждения справедливого, основанного на фактическом равенстве «общества всеобщего счастья» (цель, к которой Бабеф неизменно стремился и ранее) предусматривала не только насильственный политический переворот, но и установление после него «переходного порядка вещей», представлявшего собой по существу не что иное как временную диктатуру. Разумеется, это должна была быть диктатура особого рода - то, что итальянский историк Дж.Берти удачно назвал «воспитательной диктатурой» - и продолжаться, по оптимистическим представлениям Бабефа и его единомышленников, очень недолго. Даже само слово «диктатура» по-прежнему вызывало у Бабефа такое сильное отталкивание, что практически им не употреблялось. Тем не менее, истинный характер предусматриваемых мероприятий не мог полностью ускользнуть от его понимания, и это несомненно означало серьезный отход от недавно занимаемых позиций.

Размышления о том, отчего Бабеф пришел к такому резкому изменению политических взглядов, привели меня к выводу, что наряду с целым рядом факторов более конкретного характера, глубинная причина - в том, что он, неосознанно, как раз и столкнулся с антиномией свобода-равенство и необходимостью - во всяком случае для того, кто хочет действовать, а не строить умозрительные схемы - сделать выбор, отдать предпочтение одной из этих категорий. Речь идет именно о неосознанном выборе, ибо субъективно Бабеф отнюдь не отказался от идеи свободы.

Но если раньше он полагал, что именно через максимальную политическую демократию лежит путь к подлинному равенству (которое, напомним, он связывал с уничтожением частной собственности), то теперь он был уверен, что только установление «равенства на деле» приведет - причем быстро, хотя все же не сразу - и к обществу максимальной демократии\*. В случае с Бабефом несомненная утопичность этого представления для нас самоочевидна. Но перед подобным выбором (иногда осозанным, но значительно чаще - также неосозанным) оказывался отнюдь не один Бабеф. Разумеется, в такой крайней форме, как он, равенство понимали немногие; но если вместо «максималистских» лозунгов «свобода» и «равенство» мы скажем о демократическом устройстве общества и социальной справедливости, то сразу станет ясно, насколько типичным был этот случай. Множество активных революционеров, выступающих под лозунгами свободы и равенства, искренне хотели и того, и другого, но, столкнувшись с практикой, вынужденно отдавали предпочтение одному из этих принципов, думая, что это предпочтение - временное; по существу же оно оказывалось выбором - как у тех, кто, подобно Бабефу, выбирал равенство, так и у тех, кто выбирал свободу. (Заметим в скобках, что этот выбор, логикой политической и социальной борьбы, нередко заводил их дальше, чем они хотели и первоначально намеревались).

Почему мне представляется таким важным помнить об этом? Дело в том, что такой выбор делают и все последующие поколения. Делаем его и мы. Каждое поколение делает свой выбор на основе собственного жизненного и исторического опыта (разумеется, этот опыт противоречив, поэтому и выбор бывает разным, хотя обычно можно вывести некую составляющую, которая определяет «лицо эпохи»). И те представители любого поколения, которые профессионально занимаются историей, этот свой, нередко выстраданный, выбор в большей или меньшей степени переносят в прошлое. Это не только неизбежно, но и совершенно необходимо - без этого было бы невозможно движение науки. Именно это делает историю, по образному выражению А.З.Манфреда, наукой без дна: как бы ни казался изученным какой-то вопрос, опыт следующих поколений всегда позволит взглянуть на него по-новому. Но все же надо помнить, что свой опыт и свой выбор не стоит абсолютизировать, ибо абсолютная истина не дана никакому поколению.

В пояснение того, что хочу сказать, позволю себе обратиться к современной публицистике, очень остро и интересно осмысляющей сейчас многие волнующие нас практические и теоретические вопросы. В журнале «Литературная учеба» № 1 за 1988 г. опубликована статья известного литературного критика И.Виноградова «Перед лицом неба и земли». Она посвящена совершенно иным сюжетам, но некоторые рассуждения Виноградова, касающиеся не только литературы, но и определенных закономерностей духовной жизни общества вообще, имеют, по моему мнению, прямое отношение к нам, историкам.

В нашем мире, пишет Виноградов, противоречива «всякая истина вообще, непременно содержащая в себе внутреннее натяжение скрытых и противоположных начал, являющаяся как бы их неразрывно нераздельностью, внутренней энергией их жизненного сопряжения». В этом вся суть, пусть даже кто-то и сочтет эту суть всего лишь некой «заумной» логической тонкостью и чистой абстракцией.

И далее: «Да, истина во всякой области нашего понимания всегда только одна, она не плюралистична (хотя всегда полифонична). И потому-то наше прикосновение к ней, наши с ней взаимоотношения, наша ей преданность и наше признание ее единственности и требует внутреннего состояния, выражаемого знаменитым лютеровским принципом: *«здесь я стою и не могу иначе»*.

Но каждому индивидуальному и даже какому-либо конкретно-совокупному сознанию сторонников той или иной мировоззренческой системы, людей одного поколения или даже целой эпохи истина открывается, как известно, лишь в своей *относительной* форме; несовершенство и всегда принципиальная незавершенность, открытость всякого нашего опыта к дальнейшему познанию (иначе никакое движение вперед невозможно) обуславливают не только всегдашнюю возможность, но и в своем роде неизбежность наших ошибок, заблуждений, отступлений и тому подобных *отдалений* от истины, так что *понимание, постоянное сознание и память об этом являются таким же необходимым слагаемым наших взаимоотношений с Истиной, как и наша общая ей отданность*, категорическая убежденность в истинности наших убеждений, если только это действительно убеждения. Одновременное *сопряжение*, наличие в нас этих двух прямо противоположных состояний есть как будто бы прямая невозможность и парадокс, но это та невозможность, тот парадокс, реальное осуществление которых только и есть, если можно так выразиться, *Истина нашего отношения к Истине*, ибо как только это сопряжение в нас распадается, мы тотчас оказываемся выброшенными в какую-нибудь ложную и опасную крайность».

Эти суждения представляются мне чрезвычайно важными и плодотворными. Каковы те крайности, от которых предостерегает нас Виноградов, если говорить об этом в применении не к литературной критике, а к исторической науке? Это, с одной стороны, грубая конъюнктурность, к которой ведет упомянутая выше абсолютизация современного исторического опыта. Она неплодотворна между прочим и потому, что по видимости резко меняя прежние подходы, по существу нередко представляет собой старый подход с обратным знаком. А с другой стороны, это циничный исторический релятивизм, к которому ведет, если можно так выразиться, абсолютизация относительности нашего современного опыта (даже двойной релятивизм - в прошлом и в будущем). Такой релятивизм способен привести к оправданию любого зла и в конечном счете тоже неплодотворен. Только парадоксальное сопряжение современного взгляда на вещи с пониманием двойной исторической относительности ведет нас к подлинному историзму, включающему в себя наш гражданский опыт, но не подавляющему его и им не подавленному\*\*.

Это первое, что я хотела бы специально подчеркнуть. Но есть и второе (впрочем, тесно с первым связанное).

Сейчас мы, в свете нашего очень яркого и трагического опыта, ведем переоценку истории революции. Такая переоценка крайне нужна, но, при всей ее важности, сама по себе не даст, даже при соблюдении всех требований самого высокого историзма, столь необходимого нам сегодня нового подхода к истории революции, ибо для этого надо посмотреть на революцию не просто иным взглядом, а под иным углом (или углами - такой новый угол зрения не обязательно должен быть один). Это в первую очередь относится к тому, что некоторые наши оппоненты на Западе называют - не без оснований, но все же чересчур громко - нашим телеологизмом (более правильным представляется говорить о своего рода «финалистском» подходе; в иной форме «финализм» свойствен и многим западным историкам) - речь идет о стремлении рассматривать революцию прежде всего с точки зрения ее результатов, осуществления ею задач, которые перед ней стояли (при этом, естественно, не может не предполагаться, что эти цели и задачи нам известны и в достаточной мере понятны). Этот подход оказался в свое время чрезвычайно плодотворным и очень много дал науке. Однако мне кажется, что на сегодня (хотя весьма возможно, что не навеки) он как бы «уперся в стену». Это находит свое выражение и в том, что он не позволяет сейчас в полной мере учесть новейшие достижения смежных гуманитарных наук - а я хочу здесь всецело поддержать сказанное С.Л.Сытиным о том, что без учета этих достижений подлинно современного подхода к истории революции нам не выработать; и в том, что все попытки его «подновить» неизбежно приобретают какой-то схоластический характер и плохо совмещаются с реальными историческими ситуациями. Сегодня, как мне кажется, значительно более плодотворно, отнюдь не отказываясь от стадийной характеристики революции, посмотреть на нее из начальной, а не конечной точки, от истоков, а не от результатов. Такой подход позволит, в частности, увидеть диалектику детерминированности и альтернативности уже не только в предпосылках революции (о чем немало, хотя все еще недостаточно, писали в последнее время), но и в самом революционном процессе - а проблема «неслиянной нераздельности» в революции этих двух начал представляется мне одной из тех, осмысление которых чрезвычайно много даст для понимания истории Великой французской революции, а может быть и для некоторых общих закономерностей революции вообще.

\* Разумеется, для краткости я несколько упрощаю здесь реальную позицию Бабефа и в том, и в другом случае, но суть ее все же именно такова.

\*\* Что следует из вышесказанного непосредственно для нашего сюжета? Исторический опыт показал, что свобода и равенство во многом являют собой ту самую неслиянную (вернее даже, противоречивую) нераздельность, о которой говорил И.Виноградов. Они антиномичны, но они же и взаимосвязаны; во всяком случае, в том смысле, что жертвуя одним, мы неизбежно наносим ущерб и другому. И поскольку выбор между ними, как бы он ни осознавался психологически, на деле не бывает временным, но в то же время он неизбежен, ибо, чтобы действовать, надо выбрать, люди «другого выбора» - необходимы. Это тянет за собой целый ряд других интересных вопросов, но разбирать их здесь не представляется уместным.